

Живет в Санкт-Петербурге. О себе: "Дмитрий Артис (литературный псевдоним Дмитрия Краснова-Немарского) — поэт, драматург. Родился в 1973 году в г. Королев МО. Окончил Российскую Академию Театрального искусства (1999 г., продюссерский факультет) и Литературный институт им. А. М. Горького (2011 г, семинар поэзии). По пьесам поставлены спектакли более чем в двадцати театрах по всей России и ближнему зарубежью. Печатался в периодических изданиях: «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Литературная газета», "Литературные известия", "Дети РА", "Зинзивер" и др. Книги: «Мандариновый сад» (Из-во «Геликон+», 2006 г.), «Ко всему прочему» (Из-во «Русский двор», 2010 г.), "Закрытая книга" (Из-во "Авторская книга", 2012 г.)."

ПЕСОЧНИЦА

*"Вспомнишь на даче осу,
Детский чернильный пенал,
Или чернику в лесу,
Что никогда не собирал."*

□□□□□□□□□□□□□□□□ *Осип Мандельштам*

Не тень цветущего каштана –
побеги от скрещённых спичек.
Вот этот низенький куличик
пусть будет холмик Мандельштама.

Какая, в сущности, умора
произносить: никто не вечен.
Пиковой маковкой увенчан
свод жестяного мухомора.

Песок рассыпчатый, неловкий,
чуть намочить его из лейки.
На разноцветные скамейки
салятся божие коровки.

От песнопений карусели
до колокольного разлива.
И скорбь воистину красива,
чиста, как детское веселье.

*

Ещё немного и песчаным ливнем
накроет Рим, последний, третий Рим,
и мы с тобой об этом говорим,
а надо бы о чём-нибудь наивном.

Допустим, о бессмертии вселенной,
но мы упрямо говорим о не-
избежности: об атомной войне,
о том, что все умрут и мы – со всеми.

А надо бы о чём-нибудь попроще:
об ангелах на маковке сосны...
Украсили рождественские сны
освоенную в бункере жилплощадь.

Уже ничто не будет повторимо,
уже никто не будет повторим,
и мы с тобой о Риме говорим,
но Рима нет, не будет больше Рима.

*

Я тоже умею играть на трубе,
за правое дело погибнуть в борьбе.
Во поле широком врага настигая,
умею прославить себя, дорогая.

Камнями шугая дворовых собак,
и в церковь умею ходить, и в кабак,
и, даже камнями собак не шугая,
умею туда же ходить, дорогая.

И холод, и голод, и каторжный труд
за краткое время любого согнут.
Ничто не кляня, никого не ругая,
умею согнуться и я, дорогая.

Умею в тебя не войти, но упасть,
с лихвой ублажая животную страсть,
кончаясь, потя, слюной истекая –
всё это умею, моя дорогая.

Умею убиться, остаться живым,
умею считаться навеки твоим,
и бисер метать, и нести ахинею,
но делать счастливой тебя не умею.

*

«Не убоится верности предавший» –
ввернёшь и замолчишь на пару дней,
обдумываешь реплику: чем дальше
уходишь в речь, тем паузы длинней.

«Не убоится пастыря заблудший» –
и тишина, хоть колоколом бей,
величественна поза, лик: чем глубже
суждения, тем выглядишь глупей.

«Не убоится вечности убивший» –
молчание, по-гамлетовски тих,
взволнован как ребёнок, но чем ближе
тебе слова, тем непонятней стих.

НЕ ЛОЖИСЬ

Не ложись к ней в постель, никогда не ложись, никогда,
даже если метель за окном и в груди холода,

даже если один и конца одиночеству нет,

сам себе господин – сам себе неизвестный поэт,

не ложись к ней в постель, никогда-никогда не ложись –
это больше, чем цель, на которую тратится жизнь,

это больше, чем жизнь, при которой немыслима смерть:
никогда не ложись и не думай такое посметь,

никогда, никогда, потому что не надо, нельзя,
и не чувствуй стыда, уползая, на брюхе скользя

по неровным полам, по стене, потолку – всё равно,
пусть уже пополам разрывает желание, но

не ложись к ней в постель, как занюханный поц, не мельчи,
даже если модель отношений иного не чтит,

даже если нагой, тебе некуда деться в ночи,
к ней в постель – ни ногой, ни рукой, упирайся, кричи,

потому что нельзя, потому что не нужно тебе,
эта всячина вся, эта женщина с богом в ребре

не твоя параллель, не твоя, не твоя благодать,
не ложись к ней в постель, я ведь знаю, ты ляжешь опять.

ПУСТЫННЫЕ ТЕНИ

Когда не станет смерти никакой –
ни медленной, ни скорой – никакой,
щемящий неминуемый покой
миры наполнит жизнью никакой –
ни медленной, ни скорой – никакой.

И мы одни с тобой (рука в руке)
пойдём к реке, и будем налегке,
и перейдём ту реку налегке –
рука в руке – моя в твоей руке
спульсирует, как рыба в тростнике.

И снова станет жизнь такой, какой
была до самой смерти никакой,
и снова станет смерть такой, такой,
какой была до жизни никакой,
какой была и – никакой другой.

*

Но все мы – пустынные тени, которые мелко легли
под ломкие стебли растений, на вечные веки земли,

и свет, если верить приметам, что мы начинаемся там,
где он завершается, – это реальность, неясная нам.

*

Снова зима, и снег за окном
величиной с горошину,
и нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

Это всё сна небывалый путь,
коего так не хватало.
Холодно, некому подоткнуть
краешком одеяла.

Выйду во двор, пойду босиком,
как по траве некошеной,
и нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

Если зима и если кругом
белого неба крошево,
то нет ничего плохого в том,
что нет ничего хорошего.

[Страница автора в Сети](#)

[Страница автора в Клубе Лауреатов](#)